

Инна Тоболина

ПЫШЕЧНАЯ, СОГРЕВАЮЩАЯ СЕРДЦА

Хилинг-роман из самого
сердца Санкт-Петербурга

Инна Тоболина
Пышечная,
согревающая сердца
Серия «Хилинг-романы для девочек»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73826623

Пышечная, согревающая сердца:

ISBN 978-5-378-35918-9

Аннотация

Хилинг-роман, пропитанный запахом пышек и атмосферой Санкт-Петербурга.

Маша Литвинова привыкла стойко справляться с трудностями и молчать о своих проблемах. Но всё меняется, когда она с семьёй переезжает в Петербург, и родители открывают маленькую пышечную у набережной Карповки. Тревожная жизнь Маши наполняется ароматом жареного теста, сонным гудением кофемашины под шум дождя за окном, чувством причастности к общему делу.

А главное – душевными разговорами с незнакомцами, которые незаметно становятся очень близкими.

Добро пожаловать в «Пышечную», согревающую сердца!

В место, где даже самый холодный и дождливый петербургский день наполняется ароматом свежей выпечки.

Содержание

Шаг 1. Открыть уютное местечко, где можно отдохнуть и согреться	4
Шаг 2. Соблюдать баланс сладкого и солёного	26
Шаг 3. Щепотка внимания на глазок	43
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Инна Тоболина

Пышечная, согревающая сердца

*Согреть озябшее сердце
не сложнее, чем испечь ароматную пышку.
Главное – знать секретный рецепт!*

Шаг 1. Открыть уютное местечко, где можно отдохнуть и согреться

Маша надорвала пакетик сахара и высыпала содержимое в бумажный стакан. Часть так и не попала в кофе, разлетевшись хрустальным бисером по молочно-коричневой шапочке пены. За окном, напротив которого расположилась крошечная барная стойка, где и сидела Маша, мелькнула фигура. А пару секунд спустя дверь в кафе шумно распахнулась, впустив очередного посетителя в сопровождении сырого уличного ветра.

– Добрый день! – мама с энтузиазмом вскинула голову, встречая незнакомца улыбкой поверх стройного ряда бутылочек с сиропами.

– Здравствуйте, – рассеянно бросил он и тут же скрылся за гип-

сокартонной стенкой, отделяющей закуток с кофе-точкой от скромной шаурмичной. Или шавермячной? Маша точно не знала, как правильно.

– Приятного аппетита! Захватите потом чай или кофе на дорожку! – всё так же радостно проводила спину посетителя мама, а после наткнулась на многозначительный взгляд Маши: – Что?

– Кажется, ты их смущаешь.

– Да брось, – отмахнулась та. – Инициатива и любезность – залог успеха в продажах!

Маша неопределённо повела плечами и вернулась к своему капучино. Молодые люди, забегающие за стаканчиком горячего кофе навынос, всегда куда-то спешили и неохотно вовлекались в беседы. А некоторые даже сбегали, так ничего и не купив, когда мама воодушевлённо (и слишком напористо, по мнению Маши) описывала каждый пункт меню, вместо того чтобы позволить бедолаге выбрать самостоятельно в тишине и спокойствии. Однако, как любила поговаривать мама: «Мне уже полсотни лет, я слишком стара, чтобы меняться. Так что придётся любить такой, какая уж есть!», что, по мнению Маши, было хоть и временами раздражающей, но достойной жизненной позицией.

– Ты сегодня снова какая-то тихая, – заметила мама, любовно выстраивая белые бумажные стаканчики ровными башенками. – В школе всё в порядке?

– Как обычно, – отозвалась Маша и тут же сделала вид,

будто что-то за окном её ужасно заинтересовало. Город захватывали сумерки, и поверх темнеющей улицы на Машу смотрело отражение собственного усталого лица.

Ещё прошлой осенью она была беззаботной девятиклассницей в маленьком северном городке за Уралом. Вернувшись из школьной экскурсионной поездки по музеям и дворцам Санкт-Петербурга, Маша обрела мечту: непременно поступить в один из университетов этого чарующего города. Она вгрызлась в учёбу с ещё бóльшим усердием, чем обычно, прикинула специальность – бизнес-информатика – и уже зимой, окончательно осмелев, поделилась планом с родителями.

Мысленно возвращаясь в те дни, Маша думала, что, пожалуй, ей следовало держать язык за зубами. Потому что мама отреагировала самым неожиданным образом:

«Лёша, – серьёзно обратилась она к отцу. – А может, махнём все вместе? В смысле, в Питер. Насовсем. Видишь, и ребёнку так лучше будет: Машка умная, талантливая – отправим в хорошую школу. Поможем достичь всего, что захочет!»

Идея казалась настолько оторванной от реальности, что Маша не отнеслась к разговору всерьёз. Однако каким-то удивительным образом всё было решено ещё до начала весны. И пока дочь пропадала на учёбе и дополнительных занятиях, готовясь к экзаменам, родители приводили дела в порядок. Отец продал дом, обе машины, второй совладелец вы-

купил его долю строительного бизнеса. Маша упрямо смотрела только вперёд, в пугающую, но манящую неизвестность, пока где-то за спиной кирпичик за кирпичиком рушилась её прежняя жизнь. В конце концов, им не пришлось переезжать совсем уж в никуда: мама когда-то унаследовала потрёпанную двушку в старом фонде на Петроградской стороне, суммы от сдачи которой ежемесячно пополняли семейный бюджет.

Лето промелькнуло незаметно: переезд, выматывающий ремонт, зачисление в новую школу, бытовые заботы, новые планы – дни проходили в такой суматохе, что Маша даже не смогла бы с уверенностью сказать, застала ли вообще белые ночи. Но жизнь устаканилась: отец занялся бизнес-консультированием, а также организовал для мамы собственное маленькое дело – небольшую кофе-станцию неподалёку от дома. А если дело хорошо пойдёт, даже с перспективой развития до целой сети точек, ведь в Петербурге все любят кофе, это едва ли не часть молодёжной культуры. Маша тоже немного поучаствовала: подобрала позиции для меню, красиво его оформила, а также придумала дизайн и логотип для вывески.

Чего Маша тогда не знала, так это того, что радость и эйфория от решения проблем не будут держать в тонусе вечно. А серьёзный стресс не рождает новые силы из ниоткуда, а лишь берёт их взаймы у будущей тебя. Поэтому с началом осени Машу не только догнала тягучая питерская меланхо-

лия, но и сбила с ног ужасающая реальность учебного года в новой школе.

И сейчас, тоскливо растягивая условно-бесплатный капучино в пропахшем жареной курицей и майонезом закутке, Маша чувствовала себя невыносимо чужой этому месту и этому городу. Она будто пряталась от него, утопая в огромных тёмных толстовках, а её волосы были слишком пушистыми, чтобы хорошо выглядеть в такой влажности, поэтому приходилось постоянно убирать их в пучок. Даже её родная мама казалась неуместной тут: слишком немолодая и округлая на фоне модной итальянской кофемашины, слишком нелепая в своей провинциальной простоте посреди мира каменных дворцов и сумрачных аллей.

Маша не обманывала, откликаясь на заботливую суету мамы. Она ответила: «Как обычно» – просто не уточнила, что это значит «Так же пусто и тошно, как и вчера. И позавчера. И весь предыдущий месяц...»

Дверь вновь распахнулась, обдав потоком прохладного воздуха. На пороге возникла совершенно удивительная женщина.

На вид ей было не менее семидесяти лет, но назвать её старушкой было сложно. Маша скосила глаза и принялась украдкой разглядывать её, стараясь не пялиться слишком уж откровенно. Всё в той женщине было необычно и притягивало взгляд: от белоснежных коротких волос, уложенных в элегантную причёску, до старомодного, будто позаимствован-

ного из театральной костюмерной, пальто. Женщина степенно подошла к стойке и огляделась с доброжелательной строгостью.

– Добрый день! – довольная мама, привычно улыбаясь, вынырнула из-под прилавка. – Ну и погодка сегодня, согласитесь?

Гостья благосклонно улыбнулась.

– Будьте любезны, чай мне, пожалуйста. И пышку, – произнесла она негромко, но Маша отчего-то внутренне вздрогнула. В облике и тоне незнакомки было что-то необычайно цельное, почти графское.

– Пышку? – переспросила мама растерянно, но быстро просветлела. – А! Пончик то есть? У нас разные есть, с глазурью и с начинкой. Вы какие любите?

Она наклонилась, задорно выглядывая сквозь маленькую стеклянную витрину с угощениями. На верхней полке грустил одинокий треугольник ванильного чизкейка, следом красовались рыхлые хрустящие печенья размером с ладонь – так называемые кукисы, а в самом низу – толстые пончики в блестящей глазури.

– Только вот эти закончились, – мама указала на розовый с присыпкой из крохотных красных сердечек. – А с витрины я вам не дам, давно лежит.

Посетительница покачала головой.

– Я думала, что тут подают настоящие петербургские пышки. На двери нарисовано.

Она указала рукой, обтянутой бархатной перчаткой, в сторону входа. Маша поняла: на плакате, который она нарисовала, был схематично изображён бумажный стаканчик и пончик, чтобы посетители знали, что здесь не только «Вкусная шаверма», как указано на фасаде, но также можно взять на вынос миндальный латте и карамельный макиато, как в настоящих кофейнях. Пончик, правда, был добавлен не в рекламных целях, а для «баланса визуальной композиции», как говорилось в каком-то из обучающих видео по дизайну.

– Ой, простите! – Маша с удивлением уловила в голосе мамы виноватые нотки. – Мы же это, понимаете, не готовим тут сами.

– Жаль, – просто ответила незнакомка. – Понимаю, конечно... На Петроградской стороне уже и не осталось пышечных, сохранились лишь те, что в туристическом центре, – как интересная достопримечательность.

– А что, многие любят пон... то есть пышки? – заинтересовалась мама.

– Даже в самый тоскливый и промозглый день, – тихо и ласково произнесла гостя, – настоящая петербургская пышка согреет и тело, и душу.

Мама подалась вперёд, облокотившись на прилавок.

– А вы, должно быть, местная?

– Коренная, – в голосе женщины звучало горделивое достоинство.

– Ой, а расскажите...

Никем не замеченная, Маша тихонько скатилась с высокого стула и выскользнула за дверь, оставив недопитый кофе словно якорь, чтобы вскоре вернуться. Она и сама не знала, зачем вышла. Может, подышать свежим осенним воздухом или сменить монотонный гул соседской вытяжки на такой же монотонный шум автомобильного потока, долетавший от набережной Карповки. А может, чтобы разогнать из тяжёлой головы мысли, новые и непривычные, за которые ей порой было невыносимо стыдно.

«Ну почему мама не может быть спокойнее? Зачем пытается угодить всем и каждому, будто не понимает, что здесь всё по-другому? Как же это раздражает...

Всё раздражает! Даже то, что я раньше любила. Что со мной не так?»

Маша чувствовала себя неблагодарной, но по другую сторону окна ей стало полегче. Словно, если никто не увидит, ты чуть меньше виноват. Она присела на низкий металлический заборчик, опоясывающий скромный газон, и позволила мыслям и чувствам течь мимо, будто случайным прохожим. С дерева изредка капало на плечи и макушку, но она будто этого не замечала. Потерялась во времени и воображаемом одиночестве.

Как ушла пожилая посетительница, Маша тоже не заметила. Когда она вернулась погреться на кофе-точку, гости уже и след простыл. Лишь лёгкий аромат влажных духов и задумчиво-мечтательное настроение матери напоминали о ви-

зите странной женщины.

– Лёша, а давай будем подавать к кофе пышки? Ну помнишь, советские пончики? Не эти фабричные, как из ваты, а настоящие, свежие, в сахарной пудре!

Маша затаилась, не оборачиваясь, и немного убавила поток воды в кране, чтобы лучше слышать. Этого ещё не хватало!

– Оль, ты не заболела? Температуру измерь на всякий случай, – голос отца был, как обычно, мягок и спокоен, но Маша прекрасно знала, что добродушные нотки легко сменяются резкими, командирскими, когда это необходимо.

– А что тут такого? Говорят, на Петроградке пышечных нет. Это могло бы стать... Как ты там говоришь?.. Конкурентным преимуществом. Кофеен-то много!

– Их потому и много, – невозмутимо парировал папа, – что спрос высокий. Ниша прогрета. Просто, удобно, маржа хорошая. Ты бы ещё антикварный магазин надумала открыть, ей-богу!

– Но пышки-то дешёвые! – не сдавалась мама. – По себестоимости, я имею в виду.

– Оль, общепит – дело очень непростое. Помещение, обстановка, оборудование кухни, закупки, персонал... Я прямо скажу: эта затея влетит в копеечку. Тебе рассчитать, сколько придётся работать, чтобы просто окупить затраты? Или сама догадываешься?

– Но...

Маша наконец перестала намывать несчастную кружку, выключила воду и повернулась к родителям.

– Мам, – серьёзно сказала она. – Ты не обижайся, но идея и правда дурацкая. Знаешь, почему пышечных на Петроградке нет? Да потому, что не нужны они никому тут! Парочка пенсионеров, может, угостится – поностальгирует о молодости, ну а дальше что?

Мама, конечно, не обиделась: каждое её мимолётное чувство всегда отражалось на добром круглом лице. Вот и сейчас она лишь картинно махнула на дочь рукой, дескать, «Ой, всё!», и направилась к холодильнику. Отец довольно зарумянился и растянулся в пышноусой улыбке.

– Смотри, умная какая! – Он выдвинул ногой табурет, чтобы Маша присоединилась к чаепитию. – На золотую медаль уверенно идёт, не сомневаюсь!

А вот это было уже лишнее. У Маши в груди болезненно сдавило, но она не подала виду, молча плеснула крепкого ароматного чая из заварника на дно кружки и разбавила кипятком. Благо странный разговор о пышках казался исчерпанным.

Маму часто посещали экстравагантные идеи, и самым безобидным папа охотно потакал. Однако в нужный момент умел вернуть любимую женщину на землю уверенно, но деликатно, не обломав ей крылья. Пару лет назад, когда мама захотела войти с ноги в бьюти-индустрию и открыть собственный маникюрный кабинет, папа не возражал и даже отправил её учиться ногтевому сервису. Мама осталась довольна, но от задумки с собственным делом быстро отказалась: ей было неловко брать деньги от подруг и знакомых, а в маленьком Берёзово она состояла в приятельских отношениях чуть ли не с половиной будущих клиенток.

А когда мама захотела большую собаку, отец одолжил у товарища молодую хаски – мама передумала менее чем через неделю. Впрочем, как правило, и папиных логичных доводов вполне хватало.

Но в этот раз отчего-то всё было иначе. Спустя несколько дней тема пышек снова всплыла.

– Лёш, а может, нам и не нужно много оборудования? Это же просто пара подносов пышек. Тесто я могу и дома на кухне готовить, – уговаривала мама.

– Ага, инспекции это расскажи! – смеялся папа. – Даже установка одной фритюрницы потребует соблюдения СанПиНа, а уж сколько головняка с пожаркой...

Возразить было нечего, но по лицу мамы ясно читалось: она вернётся позже с новыми аргументами. Так и произошло:

– А я тут разузнала кое-что! Соседи наши – «Вкусная шаверма» – съезжать собираются. Мы могли бы их место занять! А если снести перегородку и...

– Оль, – ласково уговаривал папа, – если у тебя душа так хочет людей накормить, давай просто шаверму переоткроем. Дело непростое, но прибыльное, если правильно всё устроить. Сдались тебе эти пышки!

Маша и сама не могла понять, почему идея жареных советских пончиков так плотно закрепилась в мамином сердце. Она всегда предпочитала радость и лёгкость старанию и монотонному труду, а потому редко горела так долго заведомо гиблой целью.

Может, всё дело в загадочной старушке, которой удалось оставить яркий след в душе мамы тем злополучным вечером?

Сегодня Маша по обыкновению зашла выпить кофе на родительскую точку. После школы она частенько слонялась по Петроградскому району, отгородившись от реальности музыкой в наушниках. Это был час только для Маши – без навязчивых мыслей об учёбе, без интернета, без сообщений

от старых подруг, чья жизнь в Берёзово продолжалась как обычно, будто Маши в ней никогда и не было.

Сразу после переезда в Питер её маленький мир представлял лишь опорные точки в тумане топографической неизвестности: станции метро, дом, школа, кофейня мамы – и маршруты между ними в запутанном каменном лабиринте дворов и переулков. Но чем чаще она позволяла ногам уносить её в направлениях, ранее неизвестных, тем больше островков тихой и удивительной жизни Петроградки добавлялось на воображаемую карту. Вот в зелёном дворике, стиснутом домами, кто-то установил резной деревянный теремок в качестве детской горки. А если нырнуть в арку величественного дома на Кронверкской улице, то можно найти секретный путь и выскочить через проём в бетонном заборе прямо в Музыкальный сад, а там и до метро рукой подать. Среди стройных рядов улиц иной раз встречаются такие промежутки, словно дома, стоящие плотно – стена к стене, – потеряли одного из собратьев в безразличном течении времени. В таких нишах иногда располагались дома поменьше, иногда – спортивные площадки, где младшие школьники играли в баскетбол. Но чаще всего там ютились зелёные зоны, и каждую из них Маша со временем начинала узнавать в лицо – так и ориентировалась.

Маша толкнула дверь в тёплое помещение и сразу поняла: что-то было не так. Секунду спустя она осознала: впервые за всё время её не встретило энергичное

«Добрый день!» со стороны кофе-точки. Мама всякий раз радушно здоровалась, мгновение спустя её глаза прояснялись узнаванием, и дальше она ловила Машу в кокон заботливой суеты, не забывая поинтересоваться, как прошёл день в школе и не узнала ли она чего-то новенького и интересного.

Но в этот раз мама её даже не заметила. Она сидела уставившись в телефон, промеж бровей залегла сосредоточенная морщинка, а взгляд казался острым и цепким, как никогда прежде.

– Привет! – Маша подошла и встала на цыпочки, заглядывая за прилавок. – Что смотришь?

– Ой! – Мама рассеянно вскинула голову и поспешно погасила экран телефона. – Да ничего, новости. Учёба закончилась уже?

– Пару часов назад. Mam, вернись на землю!

Мама весело отмахнулась.

– Тебе как обычно?

– Ага, и пенку попышнее.

Под мерное гудение кофемашины сердце Маши ускорило бег от накатывающей тревоги. Она, будто собака Павлова, выработала рефлекс и начала нервничать заранее, подготавливая себя к неприятному ритуалу: мама варит её любимый напиток, допрашивает про школу, Маша выкручивается – каждый день одно и то же.

– Держи! – Мама поставила полный стаканчик, а рядом – крышечку. – И домой беги.

– А? – не поняла Маша.

– Домой, говорю. У нас тут кофе to go¹– так что бери свой стакан и «гоу» отсюда.

– Я тебе разве мешаю?

– Ты и так здесь часами заседаешь, как бедная родственница. Сделай лучше уроки до вечерних занятий, чтобы вечером совсем свободной быть и отдыхать как следует.

«Странно, – думала Маша, возвращаясь домой со стаканчиком горячего капучино. – Маму будто подменили». Но уроки всё же сделала – и управилась даже быстрее обычного.

Уже в конце этого дня в поведении мамы многое прояснилось.

Первым, кто встретил Машу на пороге квартиры после вечерних занятий, был незнакомый вкусный аромат, казалось пропитавший всю квартиру. Душистый, сладкий, он пах теплом и уютом. Он пах домом.

– Устала, наверное? – в прихожую выпорхнула мама, вытирая руки полотенцем. – Голодная?

– Я ужинала, – сообщила Маша, разнеженно принюхиваясь. – У нас что-то к чаю?

– А то! Тебе чёрный или зелёный? – Мама лукаво улыбнулась и поманила на кухню.

Машу дважды уговаривать не пришлось: она сбросила обувь и, наскоро сняв верхнюю одежду, вымыла руки и поспешила следом.

¹ To go – в переводе с английского «навынос».

Отопление ещё не дали, но кухня была как следует прогрета. Мягкий свет торшера тёплым пятном отражался от новенького хромированного холодильника, ещё не успевшего зарости сувенирными магнитами. На угловом диванчике за столом развалился довольный и разомлевший папа с неизменной литровой кружкой, полной чая, а посреди стола возвышалась гордая пирамида из пышек, щедро припорошённых сахарной пудрой. Пахло просто изумительно!

– Сама сделала! – гордо сообщила мама. – Тут ещё секрет небольшой имеется. Вот если муки взять на тридцать граммов меньше...

Едва Маша опустилась на табурет, перед ней тут же появилась заботливо наполненная кружка, согревая одним только мерным плеском и ароматным паром.

– Вкуснота, – прокомментировал папа, выкладывая ложкой на блюдечко густое малиновое варенье.

Маша не выдержала и сцапала одну пышку – хрустящая корочка аппетитно примялась под пальцами. Сама того не заметив, она управилась с лакомством за два укуса. Это было... сладко, воздушно и тепло. А ещё – слишком мало, хотелось больше. Маша умяла ещё одну, и ещё, и ещё, облизывая растаявшую пудру с кончиков пальцев, жадно запивая терпким чаем. Остановилась, лишь когда сытость и сладость сделали тело очень тяжёлым, а сердце, напротив, лёгким, почти невесомым.

Впервые, пожалуй, за целый месяц.

– Спасибо, Ольга, порадовала! – отец довольно откинулся на спинку. – Будто помолодел лет на тридцать!

– Помнишь ведь, – усмехнулась мама, – как мы грелись в той старой пышечной на Конюшенной? Ты после училища – молодой такой, видный. Животик купеческий ещё не отъел!

Папа добродушно рассмеялся:

– Вот лиса! Понимаю я, конечно, к чему это всё, и...

– Лёша, – мягко прервала его мама. Лицо её зарумянилось – то ли от горячего чая, то ли под давлением порыва. Уже не лёгкого, как ветер, а мощного, напористого, словно поток воды. – Я почитала кое-что, много узнала. Ты верно всё говоришь: дело это рискованное и сложное, денег и труда требует порядочно. Мне даже страшновато стало. Но я готова попробовать. Всё, что нужно, сделаю, не брошу. Когда ещё-то жить начинать, если не теперь?

Отец ничего не ответил, лишь нахмурился.

– Пап, подумаешь? – неожиданно для себя сказала Маша, и родители подняли на неё удивлённые глаза.

Ей очень хотелось как-то поддержать новую глубину, которую она впервые сумела разглядеть в маминых глазах. Когда-то в детстве ей казалось, что мама – супергероиня, способная изменить мир, если задастся достаточно важной для неё целью. А в последнее время Маша видела в маме лишь простоватую легкомысленную женщину, на которую ей в будущем не очень хотелось бы быть похожей, несмотря на всю любовь.

Но сейчас, в эту самую минуту, Маша рассмотрела в ней что-то новое, неизведанное, и страстно захотела узнать поближе эту женщину – Ольгу Петровну Литвинову, свою маму, ту, кто каждому от души желает доброго дня, даже если на неё не обращают внимания.

– Подумаю, – решительно пообещал папа. – Но только подумаю! Прикину, что к чему, оценку сделаю. Но решение моё будет окончательным.

– Спасибо тебе! О большем и не прошу.

Мама действительно перестала целыми днями болтать о пышках, покорно ожидая отцовского вердикта. Но сахарный запах прописался в доме, а мамины пышки с каждым разом получались всё лучше и лучше.

И вот как-то утром Маша застала отца в мечтательной задумчивости. Он смотрел на остатки сахарной пудры на тарелке с загадочным блеском в глазах.

– А давай попробуем, Оль, – вдруг сказал он. – Сделаем пышечную.

Мама едва не подпрыгнула и, не говоря ни слова, радостно прильнула к папе. Маша догадывалась, почему вся эта затея не могла оставить родителей равнодушными: они встретили друг друга именно в Петербурге. Мама тогда была студенткой и гостила у своей тёти – той самой, что оставила им в наследство квартиру, а отец – курсант военного лётного училища – сорвался с однокашниками в культурную столицу за новыми впечатлениями. В последний день отпуска папа хо-

тел побывать на месте дуэли Пушкина, но вместо нужного сквера нашёл маму на остановке. Вызвавшись проводить до дома, он в итоге догулял с ней до самого Невского проспекта и под конец дня уехал прямо с Московского вокзала. Они переписывались почти два года, а после нашлись и больше никогда не разлучались. В той истории был дождь, много смеха – и старая советская пышечная, которая до сих пор работает где-то в центре.

И хоть Маша закатила глаза, демонстрируя, как относится к телячьим нежностям родителей, на короткую секунду она увидела совсем молодую пару, чья любовь когда-то расцвела в холодном городе на Неве.

Родители вновь оживились в подготовительной суете. Кто бы мог подумать – они действительно открывали пышечную! Маша постоянно видела отца висящим на телефоне, как в старые добрые времена: то выбивал у риелтора условия лучше – как арендатор обеих половинок помещения, то ругался на задержку заказов. И конечно, лично руководил ремонтной бригадой: в нюансах строительства и отделки он разбирался как никто другой. Мама с непривычным для неё

рвением помогала ему во всём. Старалась вникнуть в каждую расчётную табличку, взяла на себя часть обязанностей, договорилась о продуктовых поставках.

Сама того не заметив, в семейное дело оказалась втянута и Маша. В один момент она чуть ли не за руку остановила маму от серьёзной ошибки – в выборе краски для стен. В итоге в свободное время она не болталась на кофе-точке, не зная, куда себя деть, – Маша увлечённо занималась дизайн-проектом интерьера. Она умудрилась разместить в крошечной кафешке столько комфортных посадочных мест, что даже отец удивлённо присвистнул – и в дальнейшем всё чаще советовался с дочерью по поводу некоторых ремонтных решений.

Так на исходе октября и появилась пышечная на Карповке – без шума, без церемонии открытия. Ещё днём ранее не было – и вот уже есть. Точкой старта решено было считать момент, когда уродливая «Вкусная шаверма» на фасаде сменилась на вывеску «Пышечная», мягким оранжевым светом манящую случайного путника на пустынной улице Всеволода Вишневского.

А сразу за углом – река Карповка, мостик на Вяземский переулок, который, в свою очередь, упирается в Песочную набережную. Не помпезную, гранитную, с каменными сфинксами и подсвеченными фасадами, а узкую пешеходную дорожку и поросший травой склон, уходящий к водам Малой Невки. На другой стороне реки – не сияющие дворцы, а тихий парк Каменного острова с белеющими промеж

деревьев мезонинами богатых усадеб. У Петроградки свой, особый дух. Почти без туристических маршрутов и почти без пышных.

Маша стояла перед входной дверью в заведение, прикидывая, как лучше разместить рекламный плакат. В глубине за стеклом маячила мама, словно танцующая в реке новенького сияющего хрома. Сейчас Маша зайдёт в уже настоящую, работающую пышную и...

– Литвинова? Ты чего тут топчешься?

Сердце Маши глухо бухнуло и упало куда-то вниз. Медленно повернув голову, она глуповато уставилась на обладателя голоса – одного из своих одноклассников.

«О нет! Нет-нет-нет...»

Шаг 2. Соблюдать баланс сладкого и солёного

Прямо на Машу из-под растрёпанной светлой чёлки смотрел Кирилл Маликов, которому, казалось бы, совершенно нечего делать на Карповке в такое время суток. Маша знала его очень поверхностно: Кирилл занимал место за второй партой третьего ряда, хорошо учился и состоял в приятельских отношениях с каждым в классе – включая девчонок. Хотя в их школе такие определения были не в ходу, но Маша про себя однозначно классифицировала его как «популярного парня»: весьма красив, неглуп и полон загадочного очарования, скрытого за широкой улыбкой. Ему не составляет никакого труда всем вокруг нравиться.

– Привет, – разрушил наконец неловко затянувшееся молчание Кирилл. – А что ты...

– Ничего, – отрезала Маша. – Домой иду. Пока.

Она шарахнулась от двери и заторопилась прочь: перебежала опустевшую дорогу, свернула за угол и быстрым шагом двинулась вдоль набережной Карповки с колотящимся в горле сердцем. Почему-то Маша даже обернуться не решалась, хотя не было ни одной осмысленной причины, по которой Кирилл бы зачем-то решил её преследовать.

«Мам, я сегодня не зайду, – набирала она на ходу сооб-

щение. – Вспомнила, что уроков много задали, надо домой. Помогу завтра».

Сама мысль о том, что кто-то из одноклассников прознает о существовании в жизни Маши пышечной, вызывала жуткий дискомфорт. И эта случайная встреча всколыхнула в душе гадкую тревожную муть, которая, казалось, уже осела на дно за последние пару месяцев. Если бы Машу спросили, в какой момент всё пошло не так и школьная жизнь в Питере стала для неё сплошным разочарованием, она бы, пожалуй, ответила, что всё началось с треклятого учебника по геометрии.

Учебный год Маша начинала на волне энтузиазма. Несмотря на то что петроградская школа располагалась в историческом здании – слишком торжественно, словно ты идёшь учиться в музей, – общая атмосфера заведения была немного родной и знакомой. Соответствие единым стандартам как в общем, так и в мелочах: обстановка кабинетов, цвета и текстуры, расписание и правила – всё это неуловимо объединяло российские школы общим духом, будь ты в помпезном Санкт-Петербурге или в маленьком Берёзово. Лица

учителей были так же усталы и приветливы, а школьники – так же неугомонны и разношёрстны. Ничто не предвещало каких-то особенных неприятностей.

В первый день десятый «Б» рассадили на усмотрение классного руководителя, чтобы после понаблюдать и скорректировать картину в зависимости от потребностей и предпочтений учеников. Проблем со зрением у Маши не было, поэтому ей досталось место за четвёртой партой среднего ряда.

– Я Света, – тут же познакомилась с ней соседка. – Скажи сразу: ты больше зубрилка или скорее раздолбайка? Не имею ничего против ни того, ни другого, ты не подумай! Просто интересно.

– Что-то среднее, – смеясь, сообщила Маша. – В старой школе была круглой отличницей, но без фанатизма.

– Отлично! Тогда у меня к тебе деловое предложение есть: давай учебники делить? В смысле, чтобы по каждому предмету был один на парту: что-то я приношу, а что-то ты.

– Ну-у-у... – замялась Маша.

Но Света звучала уверенно:

– Мы так делали в прошлом году с соседкой – очень удобно было! А то у меня после школы обычно полный завал: то курсы, то репетитор, дважды в неделю – танцы. Я ж помру эти кирпичи носить! Ну и тебе самой полегче. Что скажешь?

В конце концов Маша согласилась, а энергичная Света уже в конце дня добавила её в друзья в соцсетях и во все

школьные чаты.

Поначалу всё шло хорошо. Первые темы по всем предметам были теоретическими, и влиться в учебный процесс новой школы было нетрудно, а одноклассники проявляли дружелюбие. Маша ещё не всех успела запомнить по именам, но ежедневное «Привет!» или простой кивок были достаточным признанием её как части коллектива. Однако в четверг вечером Маша не нашла дома свой учебник по геометрии. Было уже поздно, Света не отвечала на сообщения, а замотанная Маша впустую решила целую задачу, прежде чем обнаружила, что скачала неправильную версию электронного учебника. Решено было отложить эту проблему до утра. Впрочем, утро следующего дня тоже не задалось: в квартире заканчивался ремонт, опять перекрыли воду – пришлось бежать в круглосуточный магазин за бутилированной водой, чтобы просто почистить зубы. Словом, в школу Маша отправилась взвинченная и злая как чёрт, ещё и с невыполненной домашкой.

– Ты, случайно, не забирала по ошибке мой учебник по геометрии? – спросила тихонько Маша на первом же уроке.

– Не-ет, – зашептала Света. – В прошлый раз приносила я, а сегодня ты как раз должна.

– Но... – запротестовала было Маша, но учитель сделал замечание, и пришлось отложить разговор до перемены.

На перемене ситуация так и не прояснилась.

– Я абсолютно уверена, что в среду геометрию приносила

я, – стояла на своём Света. – У меня дома только один учебник – мой.

Маша, в свою очередь, была уверена в обратном, но не могла ни на что сослаться: они договаривались не в переписке, и тут слово одной против слова другой.

– Ладно, – раздосадованно начала она. – Я ещё посмотрю дома. Послушай, можно написать у тебя домашку по геометрии? Я вчера поздно пришла, а тут учебник этот, и...

– Нет.

– Что?

– Прости, но нет, – повторила Света. – У меня такое правило: никому не давать списывать. И вообще, ты говорила, что ответственная. Недели не прошло – а ты без домашки, без учебника для нас обеих на сегодня, ещё и вину на меня переложить пытаешься.

И тогда всё накопившееся негодование захлестнуло Машу до пульсации в висках.

– Геометрию в среду приносила я. Может, ты забрала её случайно, может, нет – я не знаю. Учебника мне не жалко, я новый куплю, но срываться на себе не позволю!

Так Маша и сказала соседке. Или не совсем так. Она не помнила слово в слово, однако смысл был именно такой. Но в этот момент к их парте решительно подошла Вика Фартусова – самопровозглашённая староста класса, девочка с тяжёлыми бровями и пугающе чёрными глазами.

– Литвинова, – резко сказала она. – Не знаю, как у тебя

там было принято в классе общаться, но здесь так не разговаривают.

В этом её «там» Маша увидела целый калейдоскоп чувств. «Вот как, значит, – пронеслось в голове. – Думает, небось: понаехали из своих деревень в наш чистенький город. Ещё и права качают!»

И так мерзко ей стало на душе, что это чувство не отпускало весь остаток дня. Даже упрёки учителя за невыполненное задание совсем не ранили – Маша их едва слышала. Как пришибленная, она механически отучилась остаток дня, а сквозь шум в ушах прорывались лишь отдельные болезненные звуки класса: например, как Света рассказывала кому-то, будто новенькая наехала на неё лишь за то, что та отказалась дать списать домашку.

За выходные Маша успокоилась и отошла. Проблема, в сущности, была пустяковой и решаемой, она и виду не подавала перед родителями.

– Как первая учебная неделя? – интересовались в чате Лиска и Катя, подруги из Берёзово.

– Да ничего, боялась, что будет сложно, – хвасталась Маша. – Но в целом школа как школа, не хуже нашей. С соседкой по парте поцапалась немного, но ничего серьёзного.

– У-у-у! Задай ей там! – веселились подруги.

Но на следующей неделе Маша с ужасом поняла, что всё неуловимо изменилось. Что-то сломалось. Она больше не видела класс нейтрально-дружелюбных лиц, теперь каза-

лось, будто все смотрят на неё одну и только и ждут повода, чтобы поглумиться. Усугубляло ситуацию ещё и то, что из-за разницы в подходах к обучению с прошлой школой Маша начала замечать, что постепенно отстаёт, – особенно по математике, физике и английскому языку. Ей приходилось всё больше стараться, засиживаться допоздна с уроками, чтобы восполнить пробелы в знаниях, а иной раз и изобретать велосипед там, где она могла бы просто задать вопрос одноклассникам. Да и перед учителями было мучительно стыдно показать, что не справляется, ведь учебный год только начался. Маша уже не тянула руку одной из первых, чтобы дать ответ, – наоборот, старалась стать меньше и незаметнее.

Есть выражение «Поставить крест на ком-то или чём-то». Этимологически значение фразы довольно мрачное, однако для Маши это было что-то вроде визуальной иллюстрации, как она отсекала из своей жизни то, что могло навредить или ранить. Будто на чёрно-белой фотографии она перечёркивала одноклассников, одного за другим, жирным красным «иксом». Сперва, разумеется, Свету, с которой они с тех пор едва ли обменялись парой слов, её подружек и хмурую старосту Вику. Потом был Димка – местный клоун, который есть в каждом классе: этот отпустил дурацкую шутку про «Машу-путешественницу в поисках асимптоты», выставив её, растерявшуюся у доски на алгебре, на всеобщее посмешище. Красный крест мысленно появился на нём, а также на каждом, кто захихикал. Кирилл Маликов, встреченный

возле Пышечной, тоже в какой-то момент попал под раздачу, хотя их с Машей школьные жизни едва пересекались, – она уже и не помнила, что стало причиной. Время шло, отчуждение ширилось, и постепенно весь класс стал для Маши сборищем безликих враждебных манекенов.

А вот бывший класс в Берёзово – ребята, с которыми Маша вместе выросла, – судя по социальным сетям, продолжал вести весёлую и беззаботную школьную жизнь. Катя с Лиской, оправляя Машу в Питер, будто и не прощались с ней, убеждённые, что в информационный век не существует разлуки в привычном понимании. Но с каждым днём старые друзья становились всё дальше и дальше. Маше стыдно было признаваться после всего, что она несчастлива, поэтому ответы на сообщения стали пустыми, неискренними и односложными. Подруги, решив, что у «питерской девчонки» теперь есть какие-то более интересные дела, тоже не наседали.

А Маша чувствовала себя так, словно её вычеркнули из Берёзово, а в Питер вписали, но карандашиком.

С тех пор она и начала бродить по Петроградке, ежедневно выкраивая часик покоя для себя. Холодный и строгий город успокаивал мысли и порой настраивал на мрачный философский лад. Она убедила себя: старшая школа не место и не время, чтобы страдать ерундой. Эти годы определяют её дальнейшее будущее, и главная задача – как следует подготовиться к экзаменам. У Маши нет роскоши выбирать себе одноклассников – так же как попутчиков в вагоне метро, – зато

она может попросту не растрачиваться на случайных людей, которые исчезнут из её жизни после выпуска.

Эта мысль дарила ей хлипкое спокойствие и уверенность. До сегодняшнего дня. Отчего-то встреча с одноклассником вне школы неожиданно выбила её из колеи. То ли потому, что безликие манекены из одной, неприятной части жизни начали выбираться в другую, тёплую, где им совсем не место. То ли потому, что вместо «красного креста» Маша увидела на улице... Кирилла – обычного парня, освещённого мягким светом вывески, и он, казалось, был даже рад ей?

«Да нет. Глупости это всё».

К счастью, следующим вечером никаких Кириллов поблизости от пышечной не наблюдалось.

Маша налюбоваться не могла на то, каким хорошеньким и уютным получилось заведение. Никакой больше глупой стенки не разделяло два закутка: теперь скромное, но цельное помещение казалось даже просторнее, чем было по метражу на бумаге, – не зря они с отцом так тщательно распланировали освещение. Кофемашина с островка переехала в основную чайную зону и величаво возвышалась над рядами

скляночек, бутылочек и пакетиков. А спереди, у прилавка, сияла блестящая новенькая витрина, на которой ровными рядами красовались на подносах хорошенькие пышки. Маша слышала краем уха, что это удовольствие обошлось родителям довольно дорого: по словам мамы, для продукции нужен был особый режим подогрева, ведь, пока проходимость пышечной была небольшой, они не могли себе позволить жарить свежие угощения к каждому заказу. Сама Маша разницы пока не чувствовала – вероятно, насмотренность... вернее, напробованность была ещё недостаточной, – но остатки нераспроданных утренних пышек были настолько же вкусными с вечерним чаем, как и в тот первый раз.

С портафильтром² Маша управлялась гораздо ловчее мамы, да и кофе варила лучше: именно на подработке бариста она когда-то заработала свои первые «бунтарские» деньги на ненужные курсы дизайна. Поэтому по вечерам Маша обещала отпускать маму на передышку, заступая на вахту в семейную пышечную. Кроме того, ей хотелось поддержать родителей: пока заведение не встанет на ноги, мама не позволит себе нанять постоянную помощницу.

– Мы что, теперь ресторан? У нас можно забронировать место? – Маша, улыбаясь, указала на табличку на столике в дальнем углу.

– Это я для Лизаветы Петровны, – сообщила мама глухо,

² Портафильтр – элемент кофемашины, фильтр на длинной ручке для утрамбовки молотого кофе при приготовлении эспрессо.

заматываясь в тёплый шарф. – Ну и папа там днём иногда заседает. Да и какая разница, нам ещё долго до ежедневной полной посадки.

– Что за Лизавета Петровна?

– Помнишь, бабулечка как-то зашла и про пышки спросила?

«Бабулечка, – мысленно хмыкнула Маша. – Какое уж там, настоящая леди!»

– Так, всё! – мама накинула на плечи пальто. – Кухню я на сегодня закрыла, свежая партия – в витрине. Скоро вернусь! Ты точно сама справишься?

– Да, конечно, – заверила Маша. – Иди давай!

Когда мама убежала, звякнув на прощание колокольчиком над дверью, пышечную охватило мирное безмолвие. Маша протёрла стол, посидела немного в интернете – мысли были такие вялые, будто тоже решили устроить себе перерыв. Спустя некоторое время зашла молодая пара – Маша сделала им с собой два стаканчика мятного латте. Ребята украдкой поглядывали на пышки в витрине, в итоге всё же решились взять несколько штук на пробу. Маша подцепила блестящими щипчиками самые румяные, освежила немного присыпку из диспенсера с сахарной пудрой – как мама советовала – и вложила угощение в пакетик из шуршащей коричневой бумаги, плотной и качественной, чтобы не проступали предательские масляные пятна. Парень с девушкой ушли довольными, да и у самой Маши на душе как-то просветлело. Все-

гда бы было так благодатно, как в этот тихий вечер!

Над дверью снова требовательно звякнул колокольчик.

– Добро по... – решила поприветствовать гостей Маша, следуя маминому примеру.

– Ага! – обрадовался возникший на пороге Кирилл. – Так и знал, что снова тебя здесь встречу!

Его щёки были красными – то ли от холода, то ли от бега, – ворот куртки лихо распахнут, а из-за спины торчал гитарный чехол. Маша почувствовала, как тоже краснеет, только в её случае – от удушающего иррационального стыда, словно её застали на месте преступления.

Кирилл тем временем решительно прошёл к прилавку.

– Ты здесь подрабатываешь?

– Да, а что? – с вызовом ответила Маша.

– Ничего, – Кирилл, казалось, растерялся. – Здорово, что успеваешь.

В его ухе блеснуло маленькое украшение и отвлекло Машу, едва не сбив с мысли. В школе такое носить запрещают...

– Заказывать будешь?

– Да, – он поднял глаза на грифельную стенку за Машинной спиной. – Чайник ройбуша, маленький, и четыре... нет, лучше пять пышек. А ещё... у вас кетчупа нет, случайно? Или майонеза?

Маша несколько раз удивлённо моргнула:

– Конечно, нет. Пышки же сладкие.

– Само тесто – нет, – заметил Кирилл. – Без пудры они

на вкус довольно нейтральные. А значит, могли бы быть и сытными, с колбасой или сыром...

– Так ты брать будешь или нет? – недовольно перебила его Маша. – Без кетчупа и с пудрой.

– Да-да... А тебе точно можно так с посетителями разговаривать? – проворчал Кирилл, расплатился и унёс свой заказ за столик.

Маша больше в полемику не вступала: отвернувшись к бойлеру и поддрагивающими руками насыпала порцию заварки. Она расстраивалась и злилась: неужели одноклассник заподозрил, что Маша торчала перед пышечной не просто так, и решил удостовериться? Замечательно: завтра весь класс будет знать, что Маша подрабатывает в общепите. Может быть, даже придут поглазеть.

«Нужно предупредить маму, – Маша незаметно сморгнула подступающие слезы. – Она не знает, даже не поймёт, если глупые школьники заявятся, чтобы посмеяться над нами!»

Сгорая от обиды и стыда, Маша отнесла Кириллу чай и вернулась за прилавок, сложив руки на груди и прожигая его взглядом, – чтобы понимал, что ему здесь не рады, и скорее ушёл. Но тот, будто издеваясь, неторопливо ел, листал телефон и тянул время. А в крошечном чайничке, казалось, поместилось напиток на целое застолье.

«Ну и что делать? – беспомощно думала Маша. – Скоро ведь мама вернётся...»

Но внезапно её молчаливые мольбы были услышаны: Ки-

риллу кто-то позвонил, и он, прижимая телефон плечом к уху, пулей вылетел из пышечной, едва не прищемив захлопывающейся дверью собственную гитару. Недопитый чай сиротливо остывал на столе, зато пышки он умял подчистую.

Маша крадучись подошла к входной двери и закрылась на замок, перевернув табличку на стекле. Хватит с неё на сегодня! Вид удаляющейся в сторону метро спины Кирилла её немного успокоил, а когда мама написала, что возвращается, Маша спокойно открылась и даже обслужила усталого пожилого мужчину, прежде чем сбежать домой, сославшись на школьные обязательства.

На следующее утро Маша ползала по кухне, едва волоча ноги.

– Ты чего неживая? – озаботился отец, нарезая бутерброды. Мама, должно быть, уже убежала готовить утреннюю партию пышек.

– Горло болит, – страдальчески протянула Маша и зачем-то потёрла шею.

Отец коснулся чистой рукой её лба:

– Температуры нет, жить будешь.

– Но болит очень!

– Дочь, – строго сказал папа. – Актриса ты отвратительная, театральный из вариантов поступления, пожалуй, вычеркнем. Небось, опять полночи в интернете сидела? Или уроки не сделала?

– Всё я сделала, – проворчала Маша. – Пойду в школу, но

если сильнее разболеюсь, знай, кто в этом виноват!

По дороге она засматривалась на магазинчики: если сейчас выпить ледяной газировки на холоде, всё будет по-настоящему. Но стоит ли? Опасность отстать по учёбе пугала гораздо сильнее, чем чьи-то насмешки, и Маша потащилась на уроки.

А в школе... ничего не произошло. Кирилл Маликов ни словом, ни жестом не выдал, что они случайно пересеклись в пышечной прошлым вечером, и по классу не гуляло никаких дополнительных слухов и смешков. Пока что. После уроков Маша, как обычно, покинула кабинет первой, проигнорировав классный час, а вечером после дополнительных занятий не пошла в пышечную, сославшись на недомогание. Маму больное горло впечатлило гораздо сильнее, чем отца, и выходные Маша провела в профилактическо-лечебном режиме.

Зато учебную неделю она начала словно стоя на мине. Каждый день ожидала, когда что-то произойдёт, даже хотела, чтобы что-то наконец произошло и это напряжение хоть как-нибудь да разрешилось. Маша тосковала по недавним временам, ещё полным надежд. Вспоминала, как частенько сидела в пышечной, пока там завершался косметический ремонт, – на широком подоконнике, который она придумала оборудовать в посадочное место при помощи мягких подушек. Ей было так уютно, спокойно и хорошо, что казалось, чёрная полоса вот-вот закончится: Маша обязательно будет

приводить в новенькую пышечную друзей, которые однажды обязательно появятся, мама будет лучиться удовольствием и счастьем, дела отца пойдут в гору, и вся семья будет с радостью вспоминать день, когда они решились переехать в Питер.

Именно поэтому Маша не могла позволить незваному гостю – гадкому страху – поселиться в пышечной на Карповке.

«Я сегодня вечером забегу, – написала она сообщение маме. – Только условие: никаких семейных нежностей или неуместных историй из моего детства. Я – работница!»

«Договорились, – минуту спустя ответила мама. – Тогда и я для тебя – Ольга Петровна. Целую. Жду».

Шаг 3. Щепотка внимания на глазок

Колокольчик над дверью в очередной раз приветственно звякнул.

– Добрый день! – радостно воскликнула мама. – Лизавета Петровна, мы вас уже заждались!

Маша обернулась как раз в тот момент, когда за статной пожилой женщиной в длинном пальто мягко закрылась дверь, прогоняя из пышечной крадущийся следом холодный сумрак петербургских улиц.

– Здравствуйте, Оленька. – Лизавета Петровна подошла к прилавку, с удовлетворением осматриваясь. – Как же красиво вы всё здесь обустроили!

– Ой, да ладно вам! – расплылась в довольной улыбке Маша. – Не желаете чаю с пышкой?

– С удовольствием.

Пока мама гордо демонстрировала своё богатое меню напитков, Маша, не теряя времени зря, приготовила для гостьи красивый белый чайник и наполнила его кипятком.

– С ромашкой, Маш, – скомандовала мама, а после засуетилась: – Нет-нет, за счёт заведения! Считайте, в честь открытия!

Лизавета Петровна кивнула и спрятала в сумочку длин-

ный чёрный кошелёк.

– Благодарю, милая. Надеюсь, вы не забыли сегодня зонтик: вечером будет сильный дождь.

– По прогнозу обещали без осадков всю неделю, – заметила Маша, выставляя на поднос маленькую чашку на блюде.

– Я бы не слишком доверяла прогнозам, они часто бывают неточны, – лукаво улыбнулась Лизавета Петровна.

Словно в подтверждение её слов, крупные капли ударились о стекло и проскользнули вниз длинными дорожками, а немного погодя на улице глухо зашумело. Несколько прохожих торопливо забежали в пышечную, спасаясь от непогоды, и мама была вынуждена уделить им всё своё внимание.

Без лишних слов Маша взяла поднос с заказом и сопроводила Лизавету Петровну к столику, что был предназначен специально для неё. Благодарная гостья буквально засветилась от удовольствия.

– Боюсь, одна я не управлюсь с таким щедрым угощением, – Лизавета Петровна кивнула на чайник. – Не составите мне компанию?

Первым порывом было вежливо отказаться: Маше не очень нравилось, когда незнакомые люди приставали к ней с пустыми разговорами. Но это был другой случай. Она почему-то стеснялась, будто маленькая девочка, но также была и заинтригована: Лизавета Петровна вызывала в Маше те же чувства, что и... сам город Санкт-Петербург. В конце концов, смущённо помявшись и бросив вопросительный взгляд

на маму, Маша взяла чашечку для себя и подседа за столик.

– Вы живёте здесь? В этом доме? – поинтересовалась она, разливая чай себе и госте.

– Нет, пришла прогуляться с Большого проспекта. Дело в том, что это здание... – И Лизавета Петровна со сдержанным энтузиазмом рассказала немало интересного о районе.

По её словам, в доме, где Литвиновы открыли пышечную, очень давно располагалась чайная, где встречались за тёплыми беседами старые друзья, ставшие непримиримыми противниками. Напротив когда-то жил отважный адмирал Российского императорского флота, а прямо здесь, под его носом, товарищи втайне решали судьбы страны на заседании Центрального комитета. Лизавета Петровна поведала эти истории с таким знанием и теплотой, словно не просто знала, а видела своими глазами, хотя это, конечно, было совершенно невозможно. Голос её, несмотря на возраст, был мелодичен и прекрасно поставлен, отчего Маша очарованно заслушалась, фантазируя, не была ли та в молодости знаменитой певицей, а может, даже какой-нибудь оперной примой Мариинского театра.

– А как вам здесь живётся, Маша? – вдруг спросила женщина, ненавязчиво подвинув к ней чашку. – Удалось освоиться?

Маша вновь отвлеклась, чтобы бросить взгляд на дверь, впустившую очередного мокрого посетителя, а после невозможно отхлебнула чаю.

– Всё очень нравится, почти привыкла.

– Почти?

– Невозможно привыкнуть к погоде, – отшутилась Маша. – Как ни оденься – всё равно замёрзнешь.

– Разве в вашем старом городе было теплее?

– О нет! Зимы в Берёзово очень холодные и снежные, минус тридцать – обычное дело. Просто... ощущается иначе, – Маша сделала паузу и с умным видом добавила: – Наверное, всё дело во влажности.

Лизавета Петровна по-доброму усмехнулась в ответ:

– А это – одно из главных заблуждений о Петербурге. Люди сетуют на сырость, страдая от холода, пробирающего до костей. Вот только защититься от холода снаружи у нас так же просто, как и везде. Вся сложность в холоде, который тут... – она указала тонким пальцем Маше в грудь.

– Страх, печаль, вина, одиночество – вот от чего холодно сердцу. Особенность Петербурга лишь в том, что город обнажает души и делает чувства острее.

Маша хорошо знала биологию и географию и прекрасно разбиралась в том, как устроен окружающий её мир, поэтому открыла было рот, чтобы аргументированно возразить... но отчего-то передумала.

– Чего вы боитесь, Маша? – спросила Лизавета Петровна прямо.

– М-м-м... пауков и экзаменов? – Маша неосознанно покосилась на входную дверь и в ту же секунду поняла, как

глупо себя выдала.

– Бояться – не стыдно, – мягко сказала женщина. – Но важно помнить, что страх – это чувство внутри, а снаружи – бесстрастная реальность, что порой может быть совсем не такой, как мы рисуем в своём воображении. Чем сильнее отличается одно от другого, тем сложнее справиться с чувствами.

– И как... разобраться? – осипшим голосом спросила Маша.

– Набраться мужества взглянуть правде в глаза – ни больше ни меньше.

Над столиком нависла вязкая тишина. Маша чувствовала себя разоблачённой, но при этом... увиденной. Понятой. В груди защемило и стало горячо.

– Спасибо, – тихо сказала она. – Хоть и не уверена, что полностью поняла вас.

– О нет, это вам спасибо, Маша, что скрасили вечер старой и излишне болтливой женщине, – Лизавета Петровна улыбнулась и кивнула в сторону: – Кажется, мама вас уже высматривает.

Смущённая, но согретая, Маша сердечно попрощалась с гостьей и сбежала в подсобку под внимательным взглядом серых, как пасмурное небо, глаз: на прилавке заканчивались пластиковые крышечки и пакетики сахара. По пути у неё родилась целая куча вопросов и тем для беседы, и Маша очень хотела пообщаться ещё, однако по возвращении она обнару-

жила лишь опустевший столик в углу и очень воодушевлённую маму за прилавком.

Она весело болтала с очередным промокшим посетителем с гитарным чехлом за спиной – Кириллом Маликовым.

Шёл уже второй час, как Кирилл торчал в пышечной.

На глазах у мамы Маша деловито заварила для него ройбуш, делая вид, будто они не знакомы. Кирилл, впрочем, тоже ограничился сухим приветствием и поспешил отойти к столику – наверное, помнил, как Маша держалась в его прошлый визит. Всё это время она не знала, куда себя деть: то натирала и без того блестящую кофемашину, то красиво перекладывала стаканчики и салфетки, потом даже вызвалась помыть чашки – лишь бы отвлечься от парализующей неловкости и избежать неформальной болтовни с мамой на виду у одноклассника.

Пышка – быстрый перекус, посетители редко задерживались надолго, даже сейчас, несмотря на погоду. Но Кирилл всё не уходил, более того – разложил на столе блокнот и делал какие-то записи. Он казался почти расслабленным, но всякий раз, как случайно встречался глазами с Машей, хму-

рился и отворачивался, она делала то же самое. Хуже всего было то, что мама, похоже, заметила нить напряжения, протянувшуюся между ними.

– Ты знаешь того мальчика? – спросила она прямо, подкараулив Машу на кухне.

Похоже, пора признаться.

– Это мой одноклассник, – вздохнула Маша.

– И вы смотрите друг на друга волчатами, потому что-о-о?.. – вопросительно протянула мама, подняв брови.

– Потому что мы не в школе, а я – более того – вроде как на работе. Mam, давай не сейчас, пожалуйста!

Маму такой ответ почему-то не удовлетворил. Она на секунду выглянула в зал, чтобы убедиться, что всё в порядке, а после осторожно прикрыла дверь на кухню, повернувшись к Маше всем телом.

– Скажи честно, – тихо и серьёзно сказала она, – вы не ладите? Он тебя... обижает в школе? Если тебе неприятно, я выгоню этого мальчишку под каким-нибудь предлогом, чтобы ноги его тут не было.

В этот момент Маша совершенно растерялась. Не столько от неожиданной поддержки мамы, сколько оттого, что вдруг очень ясно поняла одну вещь. Обижал ли её Кирилл? Причинял ли неосторожным словом или жестом боль?

Маша наконец вспомнила, почему на Кирилле давно уже стоял красный крест.

Немногим позже инцидента с учебником, когда Маша бы-

ла совсем на взводе, она заметила на себе его внимательный взгляд, сопровождавший всю дорогу до школьной столовой.

– Что? – не выдержала Маша.

– Она идёт будто ей нет до нас дела, – мелодично проговорил он. – Плавная, словно шёлк, и прохладная, как ветер...

Это настолько сбило Машу с толку своей неожиданностью и неуместностью, что на фоне всего остального она восприняла реплику Кирилла как неприкрытое издевательство. Ускорила шаг, а после отсела как можно дальше. С тех пор Маша едва ли перекинулась с Кириллом и парой слов в школе, даже не смотрела в его сторону, зато вне её – первая ему нагрубила...

– Нет, мам, он меня не обижает, – медленно ответила Маша, сама удивившись значению сказанных слов. – Послушай, можно я сделаю кое-что? Я всё объясню дома, но сейчас мне нужно, чтобы ты не обращала на меня внимания и не задавала никаких вопросов.

– Но...

– Пожалуйста!

Мама растерянно повела плечами:

– Ладно-ладно. Я могу что-то сделать?

– Вообще-то да, – заулыбалась Маша. – Во-первых, позволь, я отбегу на пять минут до магазина. А во-вторых, когда будешь делать новую партию пышек, отложи мне несколько штук. И не посыпай их пудрой!

Энтузиазм подгонял Машу в спину: оставив маму в за-

мешательстве, она слетала в ближайший магазин, поряdochно промокнув, зато вернулась с добычей: баночкой кетчупа и пакетиком майонеза, самых обычных. Тщательно смешав небольшие порции того и другого в креманке, она выложила на тарелку несладкие пышки и вышла зал, решительно двинувшись к одному из столиков.

– Угощаю, – Маша опустила поднос прямо перед носом Кирилла, который удивлённо вскинул светлую голову и воровато захлопнул свой блокнот.

– Эм... спасибо? – он с подозрением оглядел содержимое. – В честь чего такая щедрость?

– Очень хотелось бы увидеть, как кто-то на полном серьёзе ест пышки с кетчупом. – Маша нервно рассмеялась и потёрла локоть. – Можно?

Кирилл ещё несколько секунд пребывал в замешательстве, но после фыркнул и выдвинул ногой стул, приглашая Машу присоединиться. Его плечи заметно расслабились и опустились. Кирилл отсалютовал ей пышкой и щедро обмакнул её в креманку с кетчунезом. Машу слегка передёрнуло, когда он действительно с аппетитом съел эту гадость.

– Знаешь, чего тут не хватает? – сообщил он. – Сосиски! Я успел заметить, что ваша хозяйка – женщина широких взглядов, может, если ей предложить...

– Послушай, – неловко перебила его Маша, опасаясь потерять всю решимость в бессмысленной болтовне о сосисках. – Скажи честно: зачем ты сюда приходишь?

Кирилл осёкся и замолчал, явно сконфуженный.

– А есть какая-то проблема? – кисло поинтересовался он и отвёл глаза.

Маша ненадолго задумалась в поисках подходящих слов. Всё, чего она хотела, – узнать, что происходит на самом деле.

– Тебя разве не забавляет, что я работаю в таком месте?

– Чего тут забавного? – нахмурился Кирилл. – У нас полкласса подрабатывают. Я сам довольно долго пытался устроиться бариста, вот только никто не горит желанием брать школьника с неудобным плавающим расписанием на десять часов в неделю.

– Хочешь сказать, ты случайно шёл мимо и...

– Совсем не случайно, – перебил Кирилл. – Я хожу вдоль Карповки к метро трижды в неделю.

Прежде чем Маша успела сказать что-то ещё, на столике завибрировал телефон Кирилла. Он посмотрел на экран, поджал губы и ответил, прикрывая динамик ладонью.

– Да? Я на занятиях, перезвоню позже.

Маша постаралась сохранить невозмутимое лицо и повернулась, разглядывая чудаковатую синеволосую посетительницу за дальним столиком, будто та интересовала её гораздо больше, чем чужой разговор.

– Да. С одноклассницей, – Кирилл хмуро покосился на Машу. – Могу ей трубку дать, если так хочешь меня опозорить.

Стало неловко, и Маша почувствовала, как краснеют её

уши, для которых этот разговор определён не предназначался. Похоже, у её одноклассника была очень ревнивая девушка.

– Нет, другая, новенькая, – продолжал бурчать Кирилл, безуспешно стараясь понизить голос. Внезапно он скривил лицо и поднял глаза на Машу – то ли в немой просьбе, то ли стора от стыда. Она всё поняла, кивнула и протянула руку, в которую Кирилл чуть ли не с отвращением вложил телефон.

– Алло, – поприветствовала Маша трубку, стараясь звучать дружелюбно и жизнерадостно.

– Добрый вечер, – из динамика раздался властный мужской голос, полностью выбив Машу из колеи.

Возникла пауза.

– Вы на занятиях? – гроыхнула трубка ей в ухо.

– Олег Павлович, – шёпотом подсказал Кирилл, и Маша взяла себя в руки:

– Здравствуйте, Олег Павлович! Да, у нас недавно закончились вечерние занятия в школе, – уверенно заявила она. Такие занятия и правда проводились, просто в другие дни. – Простите, пожалуйста, я задержала Кирилла, чтобы он мне объяснил пропущенную тему по алгебре.

– Он силён в алгебре? – смягчился голос в трубке. – Это хорошо. Тогда занимайтесь спокойно.

– Да, он мне очень помог! – с чувством убеждала Маша, но Кирилл требовательно забрал мобильник и некоторое время молча слушал собеседника.

– Да понял я, пап! Всё, пока!

Он сунул телефон в карман и медленно выдохнул, отводя взгляд в сторону. Маша кожей чувствовала его злость и стыд, потому что хорошо понимала: опозориться перед кем-то из класса она до ужаса боялась и сама. Вот только оказалось, что под беспочвенным страхом, будто Кирилл Маликов насмехается над Машей за её спиной, скрывалась до боли банальная реальность: парень просто нашёл приют в их пышечной, потому что не очень-то спешил возвращаться домой к строгим родителям. Никогда ещё осознание, что весь мир не вертится вокруг Маши, не было таким горько-сладким.

И теперь она уже не так сильно хотела избавиться от Кирилла: если ему правда нравится у них, пускай остаётся. И потому Маша решила сделать шаг навстречу, признаваясь:

– Знаешь, я не просто тут работаю, – прервала неловкое молчание она. – Это... наше заведение. Вон там за прилавком – моя мама. Если честно, я думала, ты поэтому заходишь – поглазеть на нас.

Острое лицо Кирилла вытянулось в удивлении, и он сразу же ухватился за новую тему для беседы, чтобы разрядить обстановку:

– Ого! Это здорово! Хозяйка мне сразу понравилась, такая душевная женщина. Подумать только, оказывается, это твоя мама!

Маша смущённо заулыбалась.

– Она очень хорошая, да. Надеюсь, не слишком замучила

тебя разговорами.

– Наоборот, мне приятно. Я уважаю людей, которым... есть дело до мнения других. Это дорогого стоит.

– Согласна, – едва слышно сказала Маша.

С минуту они мирно помолчали, размышляя каждый о своём.

– Если честно, я всегда думал, что ты гордячка, – внезапно признался Кирилл.

– Что?

– Ну, – он замялся. – Пойми правильно. В школе ты держишься особняком, ни с кем не разговариваешь, словно тебе дела до нас нет и ты терпишь класс как временное неудобство на пути к универу.

– Кажется, ты уже пытался сказать мне что-то подобное, – заметила Маша.

– Что? Когда это?

– Однажды по пути в столовку. И ещё что-то про шёлк и ветер, что бы это ни значило.

– А... блин, – Кирилл смущённо улыбнулся. – Это была всего лишь строчка из песни. Она называется «Мария», вот я её тогда почему-то и вспомнил. Это классика рока и... В общем, неважно, не бери в голову! Должно быть, ты решила, что я совсем дурачок.

Он неловко пожал плечами и замолк. А Маше хотелось смеяться от облегчения. Ей ещё предстояло многое обдумать, но не в этот раз. Сейчас, расслабившись, она нако-

нец-то свободно общалась с одноклассником, не опасаясь подвоха.

Маша выяснила, что Кирилл репетирует с группой на соседней улице и раньше частенько ужинал в кафешке с шавермой, пока она не закрылась, уступив место пышечной. Что он и сам не местный, а переехал в Питер с родителями, когда был ещё дошкольником. Что он способен часами увлечённо говорить о музыке и даже сам пишет песни для группы. А также Маша отметила про себя, что у Кирилла определённо есть скрытая способность влипать в приключения на ровном месте, – и очень захотела когда-нибудь услышать больше историй из его беспокойной жизни.

Громкий смех привлёк довольную маму, которая угостила Машу с Кириллом свежесваренным чаем, но, увы, напоследок напомнила о времени: было уже довольно поздно. Вскоре ребята вышли из тёплой пышечной на сырую улицу, и прежде, чем разошлись: Маша – домой, Кирилл – к метро, он громко посетовал на нелёгкую долю обитателя спальных районов, шутливо называя Машу «модной девчонкой с Петроградки», что придавало особой иронии этому странному вечеру.

Несмотря на то что Маша уходила в том же пальто, в котором пришла, а на улице успело существенно похолодать, на обратном пути она почему-то ни капельки не замёрзла.

Утром в школе Кирилл, подчёркивая изменения в их общении, с энтузиазмом приветствовал Машу при входе в класс – и, к её удивлению, несколько тихих голосов присоединились к нему. В столовой на большой перемене она воспользовалась случаем, чтобы расспросить Кирилла о других ребятах.

– Вика – славная девушка, честная и справедливая, – сообщил он, ковыряясь в макаронах. – Мы с пятого класса вместе учимся. В начальной школе её сильно обижали, зато теперь она всегда заступает за других. А Света совсем недавно научилась говорить «нет» – раньше у неё половина класса брала списывать задания. Дошло до того, что она всегда прорешивала несколько вариантов – и свой, и чужие, – лишь бы никого не обидеть отказом, пока в один день не решила, что с неё хватит.

После на уроках Маша постоянно отвлекалась, рассматривая одноклассников будто в первый раз. Глядя глазами, полными живого интереса, Маша увидела то, чего не замечала раньше: тёмные круги под глазами на осунувшихся лицах, стикеры-закладки в старательно заполненных тетрадах, дорогой, но обкусанный маникюр у некоторых девушек.

Оказалось, что в реальном мире – за пределами тревожной Машиной головы – много живых особенных людей со своими историями, а вовсе не безликие манекены. И это открытие подарило Маше крылья и решимость сделать первый шаг.

Она извинилась перед Светой за то, что была резка в день их ссоры. Та в ответ сильно смутилась, а после призналась, что неделю спустя нашла у себя дома учебник Маши, но ей было стыдно рассказать, и она решила просто оставить всё как есть. Разговор принёс необходимое облегчение обоим: лучшими подружками с соседкой Маша так и не стала, но за их партой установилась мирная и уважительная атмосфера – этого было более чем достаточно. А позже к ней лично обратилась Вика: близился декабрь, и староста была убеждена, что каждый в классе должен внести хоть какой-то вклад в организацию новогодней постановки для школы, даже если очень занят или ему не интересно. В ответ Маша изъявила искреннее желание поучаствовать в делах класса и даже предложила подготовить афишу, чем явно заслужила расположение Вики на остаток учебного года как минимум.

Но ближе всех ей неожиданно стал... Кирилл. Первое время он просто останавливался поболтать, а к нему, в свою очередь, тянулись другие ребята – так Маша начала систематически обнаруживать себя в эпицентре разговора. А потом они проводили всё больше времени вместе: сначала в столовой, после сели за одну парту на английском, а в итоге уже

каждый день поджидали друг друга после уроков, чтобы пойти вдвоём. Маша не питала глупых иллюзий, будто самый красивый парень во всей параллели мог ею увлечься, как бы всё ни выглядело в глазах одноклассников. Но им с Кириллом было интересно вместе, она была рада и этому – ведь ещё недавно не могла рассчитывать даже на дружбу.

Настал день, когда Маша сообразила, что не просто знает всех одноклассников по именам, а ещё и может много хорошего рассказать о каждом. Тогда она поняла, что справилась – сумела прижиться в новой школе!

– Давай заглянем в пышечную! – Маша потянула Кирилла за рукав, не давая ему сбежать в метро.

– Так мы завтра после репетиции зайдём, – он подозрительно сузил глаза. – Или ты передумала?

– Нет, просто хочу кое-что показать сейчас, тебе понравится!

Голый морозный ноябрь сковал Петроградский район тончайшей корочкой льда: город озяб и ждал снега. Кирилл традиционно натягивал тёплый капюшон вместо шапки, поэтому Маша, семеня с ним рядом вдоль Карповки, видела лишь кончик его носа и вырывающийся изо рта пар.

Кирилл проводил много времени в пышечной по вечерам несколько раз в неделю, предпочитая её всем другим заведениям. Ему нравилась уютная атмосфера, весёлое щебетание мамы, возможность поболтать с Машей, ну и, конечно, вкусный чай с угощениями. Вот только в меню не было совер-

шенно ничего сытного, и это заставило Машу всерьёз задуматься о... сосисках. Оказалось, что, если сосиску насадить на деревянную шпажку, как следует покрыть тестом и обжарить во фритюре, получается очень вкусное угощение. Намекнув маме, что это позволило бы увеличить поток студентов в заведении, Маша убедила её поэкспериментировать. В конце концов, у них есть и фритюр, и всё для теста – остальное лишь вопрос пачки сосисок... и кетчупа с майонезом. И сегодня Маша с нетерпением ждала возможности показать Кириллу новинку в меню.

Над дверью приветственно звякнул неизменный колокольчик.

– Мам, мы... – Маша заскочила в тёплую пышечную, но в растерянности замерла на пороге, из-за чего Кирилл по инерции влетел ей в спину.

На стене над прилавком располагалась огромная грифельная доска – идея принадлежала Маше, она же перед открытием заведения старательно расписала мелками от руки популярные позиции кофейного меню, чтобы выглядело современно и стильно, как в молодёжных заведениях. Теперь же эта доска была начисто вымыта, а рядом мама придерживала стремянку, на которой ловко балансировала девушка с синими волосами и пирсингом в носу. Она без всякого стеснения повернулась на голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.